

Статья посвящена анализу использования В. О. Сухомлинским таких язычно-изобразительных средств, как сравнение. Описаны разные подходы относительно типов и структуры сравнений. Охарактеризованы функции сравнений.

Ключевые слова: лингвостилистические средства, сравнения, союзные и бессоюзные сравнения, подчиненные сравнительные предложения, присоединительные предложения, прямые и обратные сравнения.

The article is devoted the analysis of the use of V. O. Sukhomlinskim such linguallly-graphic facilities, as comparison. Different approaches are described in relation to types and structure of comparisons. The functions of comparisons are described.

Keywords: lingvostilistichni facilities, comparisons, allied and asyndetic comparisons, additional comparative suggestions, joinings suggestions, direct and reverse comparisons.

Герасименко И. А.
Горловский государственный педагогический
институт иностранных языков

СМЫСЛОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ КОЛОРАТИВОВ БУРЫЙ, КАУРЫЙ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Статья содержит анализ лингвокультурологической семантики колоративов бурый, каурый. Цель – описание значений указанных слов. Материалом исследования послужила русская фразеология, язык фольклора и язык художественной литературы.

Ключевые слова: колоратив, значение, лингвокультурологический, фразема, язык фольклора, язык художественной литературы.

Для обозначения цветовых свойств реалий внешнего мира носители русской лингвокультуры используют лексемы с ограниченным составом значений, которые наделены, как правило, только семой цвета. К моносемичным колоративам относятся как адъективы основного и вторичного цветового означивания, так и описательные конструкции с компонентами *цвет / цвета*, словосложения, поздние заимствования. Цель статьи – описать лингвокультурологическое смысловое содержание и сочетаемостные возможности колоративов основного цветового означивания *бурый, каурый*, которые традиционно относят к гиппологизмам.

Слова *бурый, каурый* в русской лингвокультуре реализуют цветообозначающую семантику (о том, что это колоративы, см., например: [11, с. 172-221; 9, с. 126-184]). Данные адъективы в составе устойчивых оборотов, а также фольклорных выражений и свободных сочетаний художественной речи употребляются как для описания масти (*каурый*), так и выходят за рамки чисто коневодческих терминов, обозначая масть, окрас и цвет других реалий (*бурый*). Семантика этих лексем исключительно колоративная, иная в них не зафиксирована.

Прилагательное *бурый* “известно с ранней древнерусской эпохи” [23, с. 125] как заимствованное “через посредство тур. *bur* ‘рыжей масти’ из персидск. *bōr* ‘гнедой, рыжей масти’” [21 (1), с. 249]. Слово имеет значения ‘серовато-коричневый’ [20 (1), с. 127], ‘жёлто-красный’ [13, с. 54], варьируя “по красно-коричнево-чёрному цветовому ряду” [8, с. 168]. Как компонент фразеологических оборотов адъектив *бурый* участвует только в образных описаниях цвета натурфактов (солнца, кваса), окраса (волка, вола) и масти животных. Например: *Бурая корова через прясло глядит* (солнце) [17, с. 61]; *В тёмном хлевище / бурое конище* (квас) [16, с. 84]; как *бурый волк* (северный диалект)

/ как **бурый вол** (в южных районах Псковской области) ‘много, тяжело работать’ [5, с. 76]; **Бурого коня за рекой примечают** [12, с. 632]. Окрас и масть животных передаёт данный колоратив и его дериваты и в языке устно-поэтической речи. Ср.: *Проснулся и видит: пасутся на траве четыре большие **бурые коровы*** [10, с. 445]; *Брал Соловей свою золоту казну: / Сорок сороков чёрных соболей, / Второе сорок **бурнастых лисиц*** [2, с. 318]; *У него **бурый жеребец** был хороший, а Максимка – шут был хитрый, он знал свою невзгону* [19 (3), с. 270]. Производный от лексемы *бурый* народнопоэтический термин *Сивка-Бурка* также восходит к масти. Зоонимы *Сивка-Бурка*, *Сивко-Бурко* и *Бурушко*, *Бурочко*, *Бурок* выступают как клички лошади, которыми в сказочном и былинном фольклоре наделены животные со сверхъестественной силой. Например: *Провещится ему добрый конь, / **Бурочко-косматочко**, троелеточко, / Человеческим русским языком: / “Гой еси, хозяин ласковый мой!”* [2, с. 355]; *Подточат у **Бурка** как они щёточки, / Что не может больше **Бурушко** поскакивать, / А змеёнышей от ног да он отряхивать* [17, с. 237]. В основе номинации таких прозвищ лежит спектральный признак, отражено восприятие животного как части мира, в котором цвет является “важным звеном в символической цепи” [1, с. 44], главным свойством “всего вещего” [7, с. 313]. Как и другие имена собственные, эти клички являются знаками, указывающими на свой референт, но его не характеризующие. Поэтому, будучи мотивированными в прошлом, данные термины утрачивают исходное содержание и, как следствие, используются в одном синонимическом ряду с другими именами. Ср.: *Тогда они тут распрощались с отцом, отец сказал: “Ну, – говорит, – **Сивко-Бурко**, вещий **Воронко**, как мне служил, так и моему сыну служи, Ивану!”* [19 (2), с. 74].

Есть случаи, когда лексемы *сивка*, *сивко*, *бурка*, *сив-бур* не выступают прозвищами, а только отражают масть в составе образных выражений и буквальных сочетаний: *Укатали **сивку** крутые горки* [22, с. 105]; *Умыкали **бурку** крутые горки* [6, с. 160]; *А ещё остался там **сивко** – такой славный!* [19 (3), с. 416]; *Емельян-казак сын Иванович. / Под ним добрый конь **сив-бур** лохматый* [15, с. 258]. Данные слова, став компонентами устойчивых оборотов, используются как иносказательные выражения в языке художественной литературы. Ср.: *Или уходили сивку крутые горки? Или ты... но нет, не может этого быть!* (М. Салтыков-Щедрин). Фактически восходящее к адъективному колоративу существительное *бурка* (как и слово *сивка*) используется в языке в виде культурологического термина, употребляется как репрезентант обобщённого смысла, заложенного в семантике слова.

В индивидуально-авторской речи прилагательное *бурый* наделено более широкой, по сравнению с фразеологией, а также языком фольклора, предметной отнесённостью. С помощью данного слова носители литературного языка описывают, кроме окраса, масти животных и цвета натурфактов, элементы внешности. Ср.: *А в следующей [клетке. – И. Г.] мучился **бурый медведь*** (А. Солженицын); *Случаем, не приبلудился к вам бычок-летошник, **бурой масти**?* (М. Шолохов); *Та кричит: “Как вы смеете мою репутацию позорить?” – “Я, говорит, вашей репутации моей **бурой кобыле** не желаю”* (И. Тургенев); ***Бурые** длинные **суслики** перебежали дорогу, тревожно посвистывали* (М. Шолохов); *А Иуда понемногу осмеливался: расправил руки, согнутые в локтях, ослабил мышцы, державшие его челюсти в напряжении, и осторожно начал выставлять на свет свою **буроватую голову*** (Л. Андреев); *С годами Матиас делался все приземистей и всё более походим на **шкаф красного дерева**; его рыжая масть угадывалась по тёмно-розовому лицу и **бурым веснушкам** на руках* (Л. Улицкая). Кроме того, колоратив *бурый* используется для передачи более широкого (по сравнению с фразеологией) списка натурфактов (например,

ржи, торфа, листвы, ствола, степи, туч): *Юрий Андреевич никогда в жизни не видел ржи такой злоеце бурой [...]* (Б. Пастернак); *[...] паровозики, тоже густо дымящие, пронзительно свистя, таскали по ней поезда с бурым торфом (А. Солженицын); Сквозь прошлогоднюю бурую листву кое-где растут высокие травы [...]* (И. Тургенев); *Как вспышка зигзагистой молнии, перерезало короткое воспоминание: лес, бурые стволы деревьев в белом пышном уборе [...]* (М. Шолохов); *Легли, подставив солнцу стены, похрапели малость, а потом опять потянули по бурой стене [...]* (М. Шолохов); *И ещё до ладана, вместо ладана, сизые клубы дыма возносятся в электрическом свете от церковного двора к пасхальному небу в бурых неподвижных тучах* (А. Солженицын). Слово *бурый* употребляется в основном “для обозначения естественных цветов и поэтому практически не описывает артефакты” [14, с. 178]. Отсюда следующие примеры единичны для языка художественной литературы: *На ней было бельё, туфли на босу ногу, на плечи наброшен бурый халат* (М. Булгаков); *[...] ящик в низкой шляпе, обвитой павлиньим пером, в буром армяке и кожаными рукавицами, засунутыми за узкий зелёнький кушак, искал коренника* (И. Тургенев). Однако такие случаи употребления данного адъектива позволяют сделать вывод о том, что в индивидуально-авторской речи сочетаемостные возможности колоратива бурый шире, чем во фразеологии, а также в языке фольклора. При этом в данном прилагательном заложены только цветовые значения ‘жёлто-красный’, ‘серовато-коричневый’, хотя “в целом трудно догадаться, о каком именно цвете идёт речь” [8, с. 168]. Иной (нецветовой) семантикой слово *бурый* не наделено.

Другой адъектив – колоратив *каурый* ‘светло-каштановый’, ‘рыжеватый’ [20 (2), с. 41] – связан с тюрк. *kavur* ‘карий’ [21 (2), с. 211] и тат. *ковур* ‘карий’ [13, с. 302]. В устойчивых оборотах данное слово используется только для описания “лошадиной масти вроде буланой, рыжеватой” [13, с. 302]. Например: *Каурога (да чалого) коня за рекой купи ‘не упусти’* [4, с. 98]; *[...] в проруби-то буры да кауры, там ещё двенадцати троек осталось, рысаки да иноходцы в проруби-то* [19 (3), с. 274]. Никакими иными (негиппологическими) значениями колоратив *каурый* не наделён. Примечательно, что, как и прилагательное бурый (в том числе и колоратив сивый), слово *каурый* легло в основу клички. В нашем случае это *Каурка*. Ср. фольклорное выражение с компонентом *Каурка*, ставшее устойчивым: *Сивка-Бурка, вещь Каурка, встань передо мной, как лист перед травой* [18]. Имя *Каурка* восходит к термину культурологического порядка *каурка*, в основе номинации которого лежит окрас животного, масть светло-каштанового цвета. Ср.: *Начинается сказка от сивки, от бурки, от вещей каурки* [19 (2), с. 176]. Фактически значимый для национального сознания цветовой признак стал определяющим в происхождении клички (отметим, что внешние признаки были значимы и при наделении людей именами и прозвищами, которые впоследствии легли в основу фамилий; ср.: *Кауров < Каур, Каурый, Каурой* [3, с. 137] < *каурый* ‘светло-каштановый’).

Итак, в составе русских фразем, а также народнопоэтических выражений и свободных сочетаний художественной речи используются колоративы с ограниченным составом значений и предметной отнесённостью (*бурый, каурый*). Слово *бурый*, при ограниченной предметной отнесённости, регулярно употребляется в текстах разных жанровых систем. Напротив, лексема *каурый* спорадически, непоследовательно реализована в составе фразем, в том числе в народнопоэтических выражениях и свободных сочетаниях художественной речи, наделена узкими сочетательными возможностями. Однако к моносемантам относятся не только гиппологические наименования, но и другие группы колоративов, которые требуют предметного

рассмотрения.

Л и т е р а т у р а :

1. Белова О. В. Символика цвета в славянских книжных сказаниях о животных / О. В. Белова // Слово и культура. Памяти Н. И. Толстого. – Т. 2. / редкол. : Агапкина Т. А. [и др.]. – М., 1998. – С. 44-50. (РАН; Ин-т славяноведения).
2. Былины / [сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Селиванова Ф. М.]. – М. : Сов. Россия, 1988. – 576 с.
3. Веселовский С. Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии / С. Б. Веселовский. – М. : Наука, 1974. – 383 с. (АН СССР; отд-ние истории).
4. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка / В. Даль : в 4 т. – М. : Русс. яз. – 1981. – Т. 2. – 779 с.
5. Ивашко Л. А. Очерки русской диалектной фразеологии / Л. А. Ивашко. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1981. – 111 с.
6. Малые жанры русского фольклора : хрестоматия : [учеб. пособие для филол. спец. вузов / сост. В. Н. Морохин. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Высш. школа, 1986. – 399 с.
7. Мещерякова О. А. Устойчивые сочетания в фольклорной традиции и в авторской речи / О. А. Мещерякова // Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках / отв. ред. В. Н. Телия. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – С. 308-314.
8. Моисеенко В. Е. Из истории цвета и масти животных в русском языке / В. Е. Моисеенко // К. Gadānye, L. Mojszejenko, V. Mojszejenko. Слово и цвет в славянских языках. – Melbourne : Ademia Press, 2000. – С. 160-186.
9. Наименования цвета в индоевропейских языках : системный и исторический анализ / отв. ред. А. П. Василевич. – М. : КомКнига, 2007. – 320 с.
10. Народная проза / [сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Азбелева С. Н.]. – М. : Русская книга, 1992. – 608 с.
11. Одинцов Г. Ф. История русских гиппологических цветообозначений / Г. Ф. Одинцов // Исследования по словообразованию и лексикологии древнерусского языка. – М. : Наука, 1978. – С. 172-221.
12. Пословицы и поговорки русского народа : из сборника Даля В. И. / под общ. ред. Б. П. Кирдана. – М. : Правда, 1987. – 656 с.
13. Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка / А. Г. Преображенский : в 2-х т. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1959. – Т. 1. – 717 с.
14. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имён: семантика и сочетаемость / Е. В. Рахилина. – М. : Русские словари, 2000. – 416 с.
15. Русская народная поэзия. Эпическая поэзия : сборник / [вступ. статья, предисл. к разделам, подг. текста, коммент. Б. Путилова]. – Л. : Худож. лит., 1984. – 440 с.
16. Русские народные загадки, пословицы, поговорки / [сост., авт. вступ. ст., коммент. и слов Круглов Ю. Г.]. – М. : Просвещение, 1990. – 335 с.
17. Русский фольклор / [сост. и примеч. В. Аникина]. – М. : Худож. лит., 1986. – 367 с.
18. Сивка-Бурка. – Режим доступа к произведению : <http://lukoshko.net/rus/rus27.shtml>.
19. Сказки : [в 3-х кн.] / сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Круглова Ю. Г. – М. : Сов. Россия, 1989. – Кн. 2. – 576 с.
20. Словарь русского языка : в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Русс. яз. – Т. 1. – 1981. – 698 с.; Т. 2. – 1983. – 736 с. (АН СССР; Ин-т рус. яз.).
21. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачёв, 2-е изд., стереотип. – М. : Прогресс, 1986. – Т. 1. – 1986. – 576 с.; Т. 2. – 1986. – 672 с.
22. Фелицина В. П. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения : лингвострановедческий словарь / В. П. Фелицина, Ю. Е. Прохоров ; под ред. Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Русс. яз., 1988. – 272 с. (Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина).
23. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка / П. Я. Черных : [в 2 т.]. – 7-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 2006. – Т. 1. – 621 с.

Стаття містить аналіз лінгвокультурологічної семантики колоративів бурій, кауриі. Метою є опис значень лексем бурій, кауриі. Матеріалом дослідження слугувала російська фразеологія, мова фольклору, мова художньої літератури.

Ключові слова: колоратив, значення, лінгвокультурологічний, фразема, мова фольклору, мова художньої літератури.

The article analyses the lingvo-cultural meaning of the Russian color designations brown, light chestnut. The aim of the paper is to describe a number of meanings of these words. The findings are confirmed by the examples from phraseology, the language of folklore, the language of literature.

Keywords: colour designation, meaning, lingvo-cultural, phraseology, the language of literature, the language of folklore.

Гладкий О. Я.
Київський національний університет
імені Тараса Шевченка

ОБРАЗ СТАРІЙШИНИ РОДУ МАТУСИ ЦЗЯ (賈母) ЯК СИМВОЛ МУДРОСТІ ТА ДУХОВНОЇ ДОСКОНАЛОСТІ ЖІНКИ У РОМАНІ ЦАО СЮЕ-ЦІНЯ “СОН У ЧЕРВОНОМУ ТЕРЕМІ”

У статті аналізується образ старійшини роду матусі Цзя досліджуються її духовні протиріччя та її вплив на долі та поведінку людей, що її оточують. На основі детального аналізу художнього світу роману Цао Сюе-Ціня “Сон у червоному теремі”, а саме його образної системи, робиться спроба дати оцінку подіям, зображеним у романі, з позицій майбутнього науковця-китаїста.

Ключові слова: китайська література, образна система, жіночі образи, духовна досконалість.

У низці реалістичних романів XVIII ст. роману Цао Сюе-ціня “Сон у червоному теремі” належить одне з найпочесніших місць. Незважаючи на більше, ніж двохсотлітній вік, цей твір має ту особливу свіжість, яка притаманна лише видатним пам’яткам світової культури. Багатство матеріалу, охопленого письменником, гострота ведення оповіді, відображення процесів життя робить роман привабливим для всіх поколінь читачів.

Про велику різноманітність жіночих образів у китайській літературі до XVIII ст. написано вже немало, адже всі вони залишили глибокий слід у пам’яті читачів багатьох поколінь. Але значно яскравішими, на нашу думку, в художньо-виражальному та психологічному планах вони вперше в історії китайської літератури з’являються саме в романі Цао Сюе-ціня “Сон у червоному теремі”.

На сьогодні в літературі накопичений певний досвід і обґрунтовані різні підходи до аналізу жіночих образів у китайській літературі. Проблема тонкої духовної жіночої організації залишається актуальною і в 21 столітті.

Звичайно, для науковців-китаїстів (Єршов Д. В., Линлин О. М., Меньшиков Л. Н., Позднеева Л. Д., Рифтин Б. Л.) “Сон у червоному теремі” завжди становив і становитиме велику цінність. Знаковою подією у світі літературознавства стало відкриття у Китаї наукового інституту з вивчення культурологічної та літературної спадщини, представленої у романі. На жаль, серед українських досліджень в області китаєзнавства на сьогоднішній день існує дуже мало наукових праць, присвячених вивченню й аналізу цього видатного твору китайської літератури.

Метою статті є необхідність дослідити духовні протиріччя головної героїні роману “Сон у червоному теремі” та її вплив на долі та поведінку людей, що її оточують на основі сучасного рівня розвитку китаєзнавства в Україні.

Завдання статті.

– систематизація та узагальнення літературознавчих підходів до вивчення образної системи китайського роману;

– виявлення основних морально-етичних протиріч, які виникали у суворо ієрархічному суспільстві XVIII ст. як на рівні загально-політичному, так і на рівні внутрісімейному та їх відображення у літературі;